М.В. ЛЯЛИН

КАФЕДРА СПИСАННЫХ

ТОМ 1

Михаил Лялин

Кафедра списанных. Том 1

«Автор»
2026

Лялин М. В.

Кафедра списанных. Том 1 / М. В. Лялин — «Автор», 2026

В мире охотников ценятся только мечники, пироманты и снайперы. Курсантов с бытовыми Дарами списывают на рудники: кто-то меняет трение на площади с ладонь, кто-то видит трёхминутный тепловой след, кто-то глушит звук в радиусе метра. Легендарный тактик, погибший двадцать лет назад, просыпается в теле контуженого инструктора, которого собираются выгнать с волчьим билетом. Ему отдают пятерых самых безнадёжных курсантов Академии, и до их отчисления остаётся две недели. Он видит в них не калек, а детали часового механизма.

© Лялин М. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Кафедра списанных. Том 1 5
Введение 5
Глава 1. Волчий билет 6
Глава 2. Тридцать секунд 11
Глава 3. Ставка 15
Глава 4. Часовой механизм 19
Глава 5. Пять ключей 24
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Михаил Лялин
Кафедра списанных. Том 1

Кафедра списанных. Том 1

Введение

Не бывает плохих солдат. Бывают командиры, которые не поняли, что у них в руках.
Из записок командора Северова

Семьдесят лет назад небо над миром треснуло, и из трещин пошли твари.

Люди выстояли. Построили Стену — тысячи вёрст бетона, стали и рунных барьеров, отделивших жилые земли от того, что осталось за ними. Зелёная зона — у самой Стены, где твари мелкие и редкие. Жёлтая — дальше. Красная — там, куда не ходит никто, кроме самых безумных или самых сильных.

А ещё у людей появились Дары.

У одного из тысячи. Иногда — у одного из десяти тысяч. Способность, которая просыпается в пятнадцать-шестнадцать лет и остаётся на всю жизнь. Кто-то поджигает взглядом. Кто-то режет воздух невидимым клинком. Кто-то бьёт без промаха на версту. Таких забирают в Академии, учат, делают охотниками. Им платят, ими гордятся, их имена печатают на плакатах.

Но Дары бывают разными.

Бывает дар менять трение на кусочке площадью с ладонь. Видеть тепловой след, оставленный три минуты назад. Глушить звук в радиусе метра. Вспыхивать светом на десятую долю секунды. Становиться тяжелее на две секунды.

Такие дары называют мусорными. Таких курсантов учат год, потом списывают. На рудники, на заводы, в обслугу. Охотник, который не может убить тварь, — не охотник.

Так думали все.

Кроме одного человека. Двадцать лет назад его звали командор Игнат Северов, Седой Лис, лучший тактик Стены. Он говорил, что сила отдельного бойца не значит ничего. Что значит только одно — как бойцы работают вместе. Что из пяти слабых, правильно собранных, можно сделать то, чего не сделает ни один сильный.

Его не слушали. А потом он погиб — при Ниневийском прорыве, в том бою, после которого его друзья стали героями человечества.

Прошло двадцать лет.

И он открыл глаза в теле контуженого инструктора, которого собираются выгнать с волчьим билетом. Перед ним — пятеро курсантов с самыми бесполезными дарами в Академии. Через две недели их спишут на рудники.

У него есть две недели.

Это история о том, что не бывает мусорных талантов. Бывают командиры, которые не знают, как их собрать.

Глава 1. Волчий билет

— …и в связи с изложенным аттестационная комиссия считает невозможным дальнейшее прохождение службы старшим лейтенантом Ветровым в должности инструктора боевой подготовки.

Голос был сухой, казённый, с привычкой читать приговоры.

Игнат Северов открыл глаза.

Кабинет. Длинный стол, покрытый зелёным сукном. Портрет на стене — человек в генеральском мундире, со шрамом через бровь, с орденом Стены на груди. Под портретом — надпись золотом: «Маршал Стены А. В. Шереметьев. Герой Ниневийского прорыва».

Аркадий.

Игнат смотрел на портрет, и что-то в груди сжималось так, что нечем стало дышать. Аркадий Шереметьев. Его заместитель. Его друг. Человек, с которым они двенадцать лет ходили за Стену. Человек, который в последнюю ночь у Ниневийской бреши сказал ему: «Держи левый фланг, Игнат. Я прикрою ворота».

И закрыл ворота.

Последнее, что Игнат Северов помнил из своей жизни, — грохот стальных створок за спиной. Тьма. И твари со всех сторон.

Маршал Стены. Герой Ниневийского прорыва.

— Старший лейтенант Ветров, вы меня слышите?

Игнат медленно перевёл взгляд с портрета на стол.

За столом — трое. В центре — полковник, грузный, лысеющий, с тяжёлыми веками и аккуратно подстриженными усами. Справа — майор, сухой, с бумагой в руках. Слева — женщина в белом халате, военврач.

А сам он сидел на стуле напротив. Один. В форме инструктора Пограничной Академии — серо-зелёной, с нашивкой «Рубеж» на рукаве.

И тогда пришла память.

Не своя. Чужая. Кирилл Андреевич Ветров. Двадцать восемь лет. Выпускник «Рубежа». Дар — «Клинок», ранг B: невидимое лезвие длиной в метр. Шесть лет — охотник в Жёлтой зоне. Два года — инструктор. Три месяца назад — выход с курсантами за Стену, тварь класса «Носорог» вне маршрута, взрыв рунной мины. Контузия. Ожог каналов.

Дар — погас. Почти. От метрового невидимого клинка осталось то, что едва режет бумагу.

Инструктор боевой подготовки, который не может показать курсантам ни одного приёма с Даром.

Игнат медленно выдохнул.

В прошлой жизни ему было пятьдесят четыре, когда он погиб. Седой Лис. Двенадцать лет за Стеной, двадцать шесть операций, ни одного проигранного боя — до последнего. Его тело было телом старого волка: шрамы, суставы, которые ныли на погоду, колено, которое не сгибалось до конца.

Это тело было молодым. Сильным. С ожогом каналов, который он чувствовал как тупую боль в груди, — но молодым.

И это было тело человека, которого сейчас выгоняли.

— Слышу, господин полковник, — сказал он.

Голос был чужой. Ниже, чем он привык. Хрипловатый.

Полковник — Мирошников Аристарх Петрович, начальник Академии, подсказала память Ветрова — посмотрел на него поверх бумаг.

— Вам понятно решение комиссии, Ветров?

— Понятно.

— Есть что сказать?

Игнат подумал.

В памяти Ветрова было многое. Мирошников, который пришёл в Академию два года назад из Корпорации и сразу начал «оптимизировать». Сокращение пайков. Сокращение часов на полевую подготовку. Увольнение старых инструкторов, которые воевали за Стеной, и найм новых — молодых, послушных, из Корпорации.

Ветров был из старых. Хотя ему было всего двадцать восемь.

— Есть, господин полковник, — сказал Игнат. — Устав Пограничных Академий, раздел седьмой, параграф четырнадцатый. Инструктор, за которым числится учебная группа в период итоговой аттестации, не может быть уволен до окончания аттестации этой группы.

Майор справа поднял голову от бумаг.

Мирошников чуть прищурился.

Игнат не знал этого параграфа. Его знал Ветров. Кирилл Ветров, оказывается, читал устав. Внимательно. Будто готовился.

— За вами не числится группа, Ветров, — сказал полковник. — С момента контузии вы отстранены от занятий.

— Отстранён, но не откреплён, — сказал Игнат. — Приказ об откреплении не подписан. Я проверял.

Тишина.

Мирошников смотрел на него долго. Потом переглянулся с майором. Майор чуть заметно пожал плечами.

И тогда полковник улыбнулся. Нехорошо. Медленно. Как улыбаются люди, которые вдруг увидели, как решить сразу две проблемы одним ударом.

— Хорошо, Ветров, — сказал он. — Вы правы. Приказ об откреплении не подписан. Значит, за вами должна числиться группа. — Он помолчал. — Ершов, у нас ведь есть группа, которая осталась без инструктора?

Майор посмотрел на него. Понял. И тоже улыбнулся.

— Девятая, господин полковник. Их инструктор подал рапорт о переводе в прошлом месяце. Группа без руководителя.

— Девятая, — повторил Мирошников. С удовольствием. — Прекрасно. — Он взял перо. — Старший лейтенант Ветров назначается руководителем девятой учебной группы первого курса. С сегодняшнего дня. — Он поднял глаза. — Итоговая аттестация девятой группы — через четырнадцать дней. Если группа не сдаст нормативы — её состав отчисляется из Академии по статье «профессиональная непригодность». С направлением на трудовую повинность. Рудники Северного кряжа. — Он помолчал. — А инструктор, чья группа провалила аттестацию, увольняется по той же статье. Волчий билет. Без права службы в силовых структурах Стены.

Он подписал приказ. Протянул майору.

— Вы ведь этого хотели, Ветров? — спросил он мягко. — Группу? Получайте.

Медсестра в коридоре — пожилая, полная, с добрым лицом — посмотрела на него с жалостью, когда он вышел из кабинета.

— Девятую дали? — спросила она шёпотом.

— Девятую.

Она покачала головой.

— Господи, Кирилл Андреевич. Это ж… — Она не договорила. Перекрестилась. — Это ж кафедра списанных.

Кафедра списанных. Так в Академии называли девятую группу. Это Игнат узнал от неё — пока шёл по коридору к кабинету инструкторов, чтобы забрать личные дела.

Каждый год на первый курс «Рубежа» набирали двести курсантов. Двести подростков пятнадцати-семнадцати лет с проснувшимися Дарами. Их делили на восемь групп по двадцать пять человек — по рангу Дара, по результатам вступительных испытаний. Первая группа — лучшие. Восьмая — средние.

А девятой группы по штатному расписанию не существовало.

Её собирали к середине года. Из тех, кто не справлялся в остальных восьми. Кто заваливал нормативы, у кого Дар оказывался слабее, чем думали, у кого были проблемы с дисциплиной. Девятая группа была отстойником. Местом, куда курсантов отправляли перед отчислением. Чтобы они дотянули до аттестации — и провалили её. Официально, по правилам.

В этом году в девятой группе было пятеро.

Личные дела лежали в нижнем ящике шкафа в кабинете инструкторов. Тонкие папки из серого картона. Пять штук.

Игнат сел за стол — чужой стол, стол Ветрова, с фотографией какой-то девушки под стеклом и пятном от кофейной чашки — и открыл первую.

«Горбунов Алексей Семёнович. 16 лет. Сирота, воспитанник детского дома № 7 г. Новоградска. Дар: Тепловой след (ранг F). Позволяет видеть тепловые следы, оставленные живыми существами, в течение трёх минут после их возникновения. Боевого применения не имеет. Характеристика: замкнут, агрессивен, склонен к нарушению дисциплины. Три драки за полугодие. Переведён из восьмой группы в связи с систематическим нарушением устава. Рекомендуется к отчислению».

Тепловой след трёхминутной давности.

Игнат перечитал строчку. Потом — ещё раз.

В прошлой жизни у него в отряде был следопыт. Старик Ерофеич, без всякого Дара, — просто читал следы на земле, как книгу. Ерофеич спас отряд шесть раз. Шесть раз находил, куда ушла тварь, откуда придёт следующая, где засада.

А этот мальчишка видел следы, которые нельзя увидеть глазами. Тепловые. Свежие.

Боевого применения не имеет.

Он открыл вторую.

«Стрельцова Вера Дмитриевна. 17 лет. Дочь генерал-лейтенанта Д. А. Стрельцова (командующий Северным участком Стены, отстранён от должности в прошлом году по результатам служебного расследования). Дар: Сцепление (ранг E). Позволяет изменять коэффициент трения поверхности на площади до 10 кв. см на время до 5 секунд. Боевого применения не имеет. Характеристика: высокомерна, склонна к конфликтам с преподавателями. Переведена из первой группы по личному распоряжению начальника Академии».

Из первой группы. В девятую. По личному распоряжению Мирошникова.

Дочь отстранённого генерала.

Игнат отложил папку. Потом снова взял. Перечитал строчку про Дар.

Коэффициент трения. На площади десять квадратных сантиметров. Пять секунд.

Десять квадратных сантиметров — это подошва ботинка. Это ладонь, сжимающая рукоять меча. Это колено, на которое опирается боец в стойке.

Он открыл третью.

«Абаев Тимур Русланович. 15 лет. Дар: Тишина (ранг F). Позволяет полностью гасить звуковые волны в радиусе до 1 метра от себя на время до 30 секунд. Боевого применения не имеет. Характеристика: замкнут, малообщителен. Нормативы по физической подготовке не выполняет. Переведён из седьмой группы».

Четвёртую.

«Ковач Дина Мирославовна. 16 лет. Дар: Вспышка (ранг F). Позволяет создавать вспышку света интенсивностью до 50 000 люкс длительностью 0,1 секунды. Перезарядка — 10 секунд. Боевого применения не имеет. Характеристика: тревожна, неуверенна в себе. Плачет на занятиях. Переведена из шестой группы».

Пятьдесят тысяч люкс. Это — как полуденное солнце, если смотреть прямо на него. Только в упор. На десятую долю секунды.

Боевого применения не имеет.

Пятую.

«Мохов Фёдор Игнатьевич. 17 лет. Дар: Тяжесть (ранг E). Позволяет увеличивать собственную массу в три раза на время до 2 секунд. Перезарядка — 20 секунд. Боевого применения не имеет. Характеристика: медлителен, неуклюж, плохо усваивает материал. Нормативы по бегу и полосе препятствий не выполняет. Переведён из пятой группы».

Игнат закрыл последнюю папку.

Сидел долго. Неподвижно. Глядя на пять серых обложек.

Тепловой след. Сцепление. Тишина. Вспышка. Тяжесть.

Пять мусорных Даров. Пять подростков, которых через две недели отправят на рудники.

Он видел не пять мусорных Даров.

Он видел механизм.

Следопыт, который видит, где был враг три минуты назад. Девочка, которая может сделать пол под ногой противника скользким, как лёд, — или ладонь противника — скользкой на рукояти. Мальчишка, который может подойти к любому часовому так, что тот не услышит ни шага. Девочка, которая ослепит любого на секунду — достаточно, чтобы ударить. И увалень, который на две секунды становится втрое тяжелее — а значит, втрое сильнее бьёт, когда падает на кого-то сверху. Или когда врезается плечом.

По отдельности — мусор.

Вместе…

Игнат медленно улыбнулся. Впервые за этот день.

Двадцать лет назад он говорил об этом Совету Стены. Говорил, что охотники должны работать звеньями. Что сила отдельного бойца — ничто по сравнению с силой связки. Что ранг Дара — это не приговор, а только одна переменная в уравнении.

Его выслушали. Вежливо. И сказали, что охотникам нужны мечники, пироманты и снайперы. А не следопыты и прыгуны.

А потом Аркадий закрыл ворота.

В дверь кабинета постучали.

Вошёл дежурный курсант — из первой группы, судя по золотой нашивке на рукаве. Высокий, холёный, с красивым надменным лицом. Посмотрел на Игната с плохо скрытой насмешкой.

— Господин старший лейтенант, — сказал он, вытягиваясь с подчёркнутой небрежностью. — Девятая группа построена на полигоне номер три. Ждёт инструктора. — Он помолчал. И добавил, почти не скрывая улыбки: — Они там, говорят, ставки делают. Сколько вы продержитесь. Предыдущий — неделю.

Игнат посмотрел на него.

— Как ваша фамилия, курсант?

— Оболенский, господин старший лейтенант. Первая группа.

— Оболенский. — Игнат кивнул. — Запомню.

Курсант чуть заметно моргнул. Улыбка дрогнула.

Игнат встал. Взял пять серых папок. И пошёл к двери.

У двери остановился. Обернулся. Посмотрел на портрет, висевший над столом в кабинете инструкторов. Тот же, что в кабинете Мирошникова. Маршал Стены А. В. Шереметьев. Герой Ниневийского прорыва.

Аркадий.

Двадцать лет.

«Подожди, — подумал Игнат. — Я скоро».

Он вышел на полигон.

Глава 2. Тридцать секунд

Полигон номер три был самым дальним в Академии. За казармами, за столовой, за складами — у самого забора, за которым начиналось пустое поле, а за ним, в двадцати верстах, серой полосой на горизонте тянулась Стена.

Грязь. Лужи. Ржавые турники. Бревно для полосы препятствий, сгнившее посередине. Деревянная вышка без лестницы. Сюда водили тех, кого не жалко.

Девятая группа ждала его у вышки.

Не построенная. Не в строю. Пятеро курсантов в мятых серо-зелёных комбинезонах сидели, стояли и лежали где придётся. Один — на бревне, закинув ногу на ногу. Двое — у вышки, спиной к ней. Одна — в стороне, на корточках, обхватив колени. Ещё один — огромный, рыхлый — лежал прямо на земле, на расстеленной куртке, и смотрел в небо.

Когда Игнат подошёл, никто не встал.

Он остановился в десяти шагах. Посмотрел на них. По очереди.

Лёха Горбунов сидел на бревне. Худой, жилистый, с коротко стриженной головой и злыми серыми глазами. Шрам на подбородке. Кулаки — сбитые, в коросте. Смотрел на Игната так, как смотрят детдомовские — сразу оценивая, можно ли ударить первым.

Вера Стрельцова стояла у вышки. Высокая, тонкая, прямая. Светлые волосы, собранные в тугой узел. Лицо — красивое, холодное, надменное. Генеральская дочь. Даже в мятом комбинезоне девятой группы она умудрялась выглядеть так, будто стоит на балу.

Рядом с ней — Тимур Абаев. Маленький, щуплый, смуглый, с огромными тёмными глазами и манерой держаться так, будто его здесь нет. Пятнадцать лет — самый младший.

Дина Ковач — та, что на корточках в стороне. Рыжая, конопатая, с покрасневшими глазами. Смотрела на Игната со страхом.

И Федя Мохов — на земле, на куртке. Огромный, под два метра, рыхлый, с круглым добродушным лицом. Он единственный не смотрел на Игната. Смотрел в небо.

— Встать, — сказал Игнат.

Никто не встал.

Лёха Горбунов на бревне ухмыльнулся.

— О, — сказал он громко. — Новенький. А мы думали — опять Сивцова пришлют. Тот хоть с бутылкой приходил.

Вера Стрельцова у вышки чуть приподняла бровь.

— Ветров, — сказала она. Не «господин старший лейтенант». Просто — Ветров. — Тот, которого контузило. Который Дар потерял. — Она чуть наклонила голову. — Вас к нам сослали, да? Чтобы вы вместе с нами на рудники поехали?

Дина в стороне втянула голову в плечи.

Игнат молчал.

— Слушай, лейтенант, — сказал Лёха, спрыгивая с бревна. — Давай по-честному. Ты нам ничего не сделаешь. Мы тебе — тоже. Через две недели нас всех вышвырнут. Тебя — тоже. Так что давай ты посидишь в теньке, мы посидим тут, и все разойдутся довольные.

— Встать, — повторил Игнат. Тем же тоном. Не громче.

Лёха подошёл ближе. Остановился в трёх шагах. Посмотрел снизу вверх — Игнат был выше на голову.

— А то что? — спросил он тихо.

— А то лягут, — сказал Игнат. — Все. Лицом в грязь. За тридцать секунд.

Пауза.

Лёха засмеялся. Громко, зло.

— Слыхали? — Он обернулся к остальным. — За тридцать секунд! Без Дара! Контуженый!

Вера у вышки едва заметно улыбнулась. Федя на земле перестал смотреть в небо и сел.

— Давай, лейтенант, — сказал Лёха, поворачиваясь обратно. В голосе было уже не веселье — злость. — Давай. Попробуй.

— Все пятеро, — сказал Игнат. — Разом. С Дарами. Как умеете.

Лёха ударил первым. Как Игнат и ожидал.

Он видел этот удар за секунду до того, как Лёха его нанёс. Видел по плечам: детдомовский мальчишка, привыкший драться в подворотнях, всегда бьёт с правой и всегда заносит плечо назад перед ударом. Так дерутся те, кого никто не учил. Видел по дыханию: Лёха задержал вдох — значит, ударит на выдохе.

Игнат сделал шаг влево. Полшага. Кулак прошёл мимо уха. Лёха, вложивший в удар весь вес, провалился вперёд. Игнат просто подставил ногу.

Лёха полетел лицом в лужу.

Две секунды.

Федя Мохов поднялся с земли и пошёл на Игната. Тяжело, медленно, растопырив руки — как медведь. Игнат видел, как он напрягся за три шага. Как замедлился. Как чуть присел.

Дар Тяжести. Перед активацией Федя набирал воздух и приседал — бессознательно, как человек, который готовится поднять что-то тяжёлое. И активировал — в момент прыжка. Чтобы обрушиться на противника втрое тяжелее.

Но Тяжесть длилась две секунды. А прыжок — полсекунды.

Игнат шагнул назад. Ровно на шаг. Федя прыгнул — втрое тяжелее, триста с лишним килограммов, — и приземлился туда, где Игната уже не было. Земля под ним чавкнула. Ноги ушли в грязь по щиколотку. Он попытался выдернуть их — и не смог: Тяжесть ещё держала.

Игнат толкнул его в плечо. Не сильно. Двумя пальцами.

Триста килограммов, стоящие в грязи по щиколотку, — потеряли равновесие. И Федя рухнул лицом вниз, как подрубленное дерево. Брызги долетели до вышки.

Пять секунд.

Дина Ковач в стороне вскочила. Глаза — круглые, испуганные. Руки — вскинуты к лицу.

Игнат видел и это. Видел, как она сжимает пальцы перед вспышкой — так, будто пытается поймать что-то в ладонях. Видел, как она вдыхает.

Он закрыл глаза. За долю секунды до вспышки.

Свет ударил сквозь веки — красный, яркий, но не слепящий. Пятьдесят тысяч люкс, на десятую долю секунды. Если смотреть — ослепнешь на минуту. Если закрыть глаза заранее — просто станет на мгновение светло.

Когда он открыл глаза, Дина стояла в трёх шагах, растерянно глядя на него. Перезарядка — десять секунд. Она это знала. И он знал.

Он подошёл к ней. Взял за запястье. Мягко. Повернул. И Дина, вскрикнув больше от неожиданности, чем от боли, опустилась на колени в грязь.

Девять секунд.

Тимура Абаева он не видел. Мальчишка исчез, пока Игнат возился с Диной. Но Игнат знал, где он.

Дар Тишины гасил звук в радиусе метра. Значит, Тимур подходил к нему со спины, беззвучно, рассчитывая на то, что инструктор не услышит. И Игнат его не слышал.

Но Тишина гасила не только шаги Тимура. Она гасила всё в радиусе метра. Шелест травы. Чавканье грязи. Ветер.

Игнат слушал не шаги. Он слушал, где кончаются звуки.

Сзади, справа, в двух шагах — кусок мира вдруг замолчал. Как дыра в звуковом фоне. Как пятно тишины, которое движется.

Игнат развернулся. Не глядя. Протянул руку в эту дыру. Нащупал плечо. Тощее, мальчишеское. И подсёк.

Тимур упал на спину. Тишина вокруг него лопнула — Игнат услышал, как он выдохнул, ударившись о землю.

Тринадцать секунд.

Вера Стрельцова не двигалась.

Она стояла у вышки. Прямо, неподвижно, сложив руки на груди. Смотрела на Игната. И Игнат видел, что она смотрит не на него.

На землю. У него под ногами.

Дар Сцепления. Коэффициент трения на площади десять квадратных сантиметров. Подошва ботинка. Она собиралась сделать землю под его подошвой скользкой, как лёд. Чтобы он упал, когда сделает следующий шаг.

Игнат сделал шаг.

Не на землю. На камень. Плоский, серый, вросший в грязь в полуметре от него. Он заметил его ещё тогда, когда подходил к группе.

Вера сделала скользкой землю. Там, куда он должен был ступить. А он ступил на камень.

Она моргнула. Поняла — на долю секунды позже, чем следовало.

Игнат сделал ещё два шага. Быстро. Остановился рядом с ней.

— Ваш Дар длится пять секунд, Стрельцова, — сказал он спокойно. — И вы не можете переключить его на другую точку, пока он действует. Я видел это по вашему лицу. Вы смотрели в одну точку, ждали, пока я туда наступлю. — Он помолчал. — А я не наступил.

Вера смотрела на него. Губы её сжались в тонкую линию.

И она ударила. Ладонью. По лицу. Быстро, неожиданно, как бьют генеральские дочки, которых учили фехтованию, но не драке.

Игнат поймал её запястье. Повернул. Не сильно — ровно настолько, чтобы она потеряла равновесие.

Вера Стрельцова, дочь генерал-лейтенанта, опустилась на колени в грязь.

Двадцать восемь секунд.

На полигоне номер три стало очень тихо.

Пятеро курсантов девятой группы лежали, сидели и стояли на коленях в грязи. Лёха — лицом в луже, отплёвываясь. Федя — на животе, медленно поднимаясь на локтях. Дина — на коленях, со слезами на глазах. Тимур — на спине, глядя в небо. Вера — на коленях, глядя на Игната с ненавистью.

Игнат стоял посреди них. Чистый. Ни пятнышка грязи на форме.

Он не использовал ни одного Дара. Его Дар — то, что от него осталось после контузии, — был способен разрезать бумагу. Не больше.

Он использовал только их ошибки.

— Встать, — сказал он.

На этот раз встали все.

Медленно. С трудом. Отряхиваясь, отплёвываясь, утирая лица. Лёха — последним, вытирая кровь из разбитой губы и глядя на Игната так, будто увидел его впервые.

— Горбунов, — сказал Игнат. — Вы бьёте с правой и заносите плечо назад за полсекунды до удара. Любой противник с опытом видит это и уходит. Ваш удар — сильный. Но его видно за версту.

Лёха открыл рот. Закрыл.

— Мохов. Вы приседаете и набираете воздух перед Тяжестью. Каждый раз. Противник видит, что вы готовитесь, — и просто отходит. Ваша Тяжесть длится две секунды, но вы тратите её на прыжок, который длится полсекунды. Остальные полторы секунды вы стоите в грязи втрое тяжелее и не можете пошевелиться.

Федя смотрел на него, разинув рот.

— Ковач. Вы сжимаете пальцы и вдыхаете перед вспышкой. Как будто ловите бабочку. Противник видит это — и закрывает глаза. Ваша вспышка бесполезна против любого, кто знает, чего ждать.

Дина всхлипнула.

— Абаев. Ваша Тишина гасит всё вокруг вас. Не только ваши шаги. Всё. Вы идёте в коконе тишины — и любой, кто умеет слушать, слышит не вас, а дыру в звуке. Там, где вы.

Тимур медленно сел. Посмотрел на Игната огромными тёмными глазами.

— Стрельцова. Вы смотрите туда, куда собираетесь применить Дар. Всегда. Как снайпер, который не умеет отводить взгляд от цели. — Игнат помолчал. — Генеральская дочь должна знать, что противник следит за глазами.

Вера ничего не сказала. Только губы побелели.

— Вам всем сказали, что ваши Дары бесполезны, — продолжал Игнат. Тем же спокойным, ровным тоном. — Что они не годятся для боя. Что вас надо списать. — Он помолчал. — Это неправда.

Пятеро смотрели на него.

— Ваши Дары не бесполезны. Вы просто пользуетесь ими так, будто они — мечи. Будто их надо выхватить, замахнуться и ударить. — Он покачал головой. — Ваши Дары — не мечи. Это детали. Шестерёнки. Пружины. По отдельности — ничто. — Он обвёл их взглядом. — А вместе они собирают часы, которые не остановит ни один мечник в этой Академии.

Тишина. Только ветер шумел в траве у забора.

— Через две недели у вас аттестация, — сказал Игнат. — Если провалите — поедете на рудники. Я — тоже. С волчьим билетом. — Он помолчал. — Я не собираюсь на рудники.

Он развернулся и пошёл к казармам.

У края полигона остановился. Обернулся.

— Завтра. Шесть утра. Здесь. — Он посмотрел на них. — Кто опоздает хоть на минуту — может сразу идти собирать вещи. На рудники. Мне нужны те, кто хочет остаться.

Он ушёл.

За его спиной ещё долго было тихо. Потом Лёха Горбунов, вытирая кровь с губы, тихо сказал:

— Тридцать секунд. — Он сплюнул. — Двадцать восемь, если точно. Я считал.

Никто ему не ответил.

Глава 3. Ставка

В пять пятьдесят пять утра на полигоне номер три стояли пятеро.

Не в строю. Но стояли. Мокрые от утренней росы, сонные, злые. Лёха — с распухшей губой. Федя — зевая во весь рот. Дина — дрожа от холода в тонком комбинезоне. Тимур — неподвижно, как тень. Вера — прямо, с поднятым подбородком, с выражением лица человека, который пришёл не потому, что ему велели, а потому, что сам так решил.

Игнат пришёл ровно в шесть. Посмотрел на них. Кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Пойдёмте.

— Куда? — спросил Лёха. — Бегать?

— Нет. Смотреть.

Главная тренировочная арена «Рубежа» находилась в центре Академии. Круглая, под стеклянным куполом, с трибунами по краям и песчаным полом в центре. На песке — макеты укреплений, бетонные блоки, ржавые остовы машин, деревянные стенки. Тренировочная площадка для отработки боя в городской застройке.

Здесь занимался Первый взвод.

Двадцать пять лучших курсантов Академии. Ранги Даров — от B до A. Сыновья и дочери офицеров, промышленников, чиновников Корпорации. Золотые нашивки на рукавах. Новенькая форма. Тренировочное оружие — не деревянное, как у остальных групп, а настоящее, с затупленными лезвиями и рунными ограничителями.

Когда Девятая группа вошла на трибуну, на арене как раз шёл учебный бой.

Пятеро на пятерых. Игнат смотрел.

Высокий светловолосый курсант — тот самый Оболенский, что вчера докладывал ему о построении, — двигался по арене с мечом. Дар — Клинок, ранг A: Игнат видел, как вокруг лезвия на секунду вспыхивает едва заметное марево, удлиняя его вдвое. Рядом — коренастый рыжий парень, у которого в ладонях загорался огонь. Пиромант. Ещё один — с массивным щитом, который вспыхивал голубым при каждом ударе. Девушка с арбалетом на крыше макета — болты летели точно, без промаха. И пятый — тонкий, нервный, который взмахом руки посылал вперёд волну воздуха, сбивающую противников с ног.

Хорошее звено. Сильное. Сыгранное — по меркам курсантов.

И совершенно предсказуемое.

Игнат смотрел на них и видел то, что видел двадцать лет назад, глядя на охотников за Стеной. Каждый бил в полную силу. Каждый работал сам по себе. Мечник рвался вперёд, не оглядываясь на пироманта. Пиромант жёг всё, что видел, не думая, что дым закроет обзор арбалетчице. Щитовик стоял там, где ему было удобно, а не там, где нужно было прикрывать.

Они побеждали, потому что были сильнее. Не потому, что были лучше.

— Ничего себе, — прошептал Федя, глядя, как рыжий пиромант сжигает макет-цель в облаке огня. — Вот это мощь.

— Мощь, — согласился Игнат. — Смотрите, куда он бьёт.

Федя посмотрел. Не понял.

— В цель…

— Он бьёт туда, куда смотрит. Каждый раз. И перед каждым ударом поднимает правую руку на полсекунды раньше левой. — Игнат помолчал. — Посчитайте, сколько раз за минуту.

Федя моргнул. Потом начал смотреть по-другому.

Игнат повернулся к остальным.

— Горбунов. Смотрите на мечника. Куда он ставит ноги, когда разворачивается. Абаев — на щитовика. Когда он поднимает щит и когда опускает. Ковач — на арбалетчицу. Сколько

секунд между выстрелами. Стрельцова — на того, кто бьёт воздухом. Его стойка. — Он помолчал. — Пять минут. Потом мне расскажете.

Они смотрели.

Не сразу — сначала с недоумением, потом с недоверием. Но через минуту Игнат увидел, как меняются их лица. Как Лёха, прищурившись, начинает шевелить губами, считая. Как Тимур подаётся вперёд, не отрывая глаз от щитовика. Как Дина, забыв про холод, смотрит на крышу макета, где стоит арбалетчица. Как Вера — медленно, с удивлением — переводит взгляд с ног воздушника на его руки и обратно.

Они учились смотреть.

Их заметили через четыре минуты.

Учебный бой закончился. Первый взвод собрался у края арены, вытирая пот, переговариваясь, смеясь. Рыжий пиромант показал на трибуну. Остальные обернулись.

И от группы отделился человек.

Не курсант. Инструктор. Капитан, лет тридцати пяти, высокий, широкоплечий, с короткой стрижкой и квадратной челюстью. Форма — с золотым шитьём, нашивка Корпорации на плече. На груди — знак «Охотник Красной зоны». И над ладонями — Игнат видел это даже с трибуны — лёгкое марево. Дар огня. Ранг А, не ниже.

Капитан Эдуард Зорин. Старший инструктор Первого взвода. Человек Мирошникова, подсказала память Ветрова. Пришёл из Корпорации вместе с полковником.

Он поднялся на трибуну. Неторопливо. Остановился в трёх шагах от Игната. Посмотрел на Девятую группу. Потом — на Игната. Улыбнулся.

— Ветров, — сказал он. — Слышал, тебе дали кафедру списанных. Поздравляю. — Он кивнул на пятерых. — Решил показать своим, как выглядят настоящие охотники? Перед рудниками?

Игнат молчал.

— Хорошая мысль, — продолжал Зорин. — Пусть посмотрят. Будет что вспомнить в шахте. — Он помолчал. Потом, будто ему в голову пришла забавная идея, улыбнулся шире. — А знаешь что, Ветров? Давай устроим им урок. Разминочный спарринг. Твои пятеро против моих пятерых. Прямо сейчас. Пусть твои калеки почувствуют, что такое настоящий бой.

На арене кто-то засмеялся. Оболенский, стоявший у края, громко сказал что-то рыжему пироманту, и тот загоготал.

Лёха рядом с Игнатом сжал кулаки. Дина побледнела. Вера смотрела на Зорина с ледяным презрением.

— Какие условия? — спросил Игнат.

Зорин моргнул. Видимо, не ожидал, что Ветров вообще ответит.

— Условия? — Он засмеялся. — Ну, давай. Если мои победят — твои пятеро сегодня же подают рапорты об отчислении. Добровольно. Не дожидаясь аттестации. Сэкономим Академии две недели пайка.

— А если победят мои?

Зорин посмотрел на него, будто он сказал что-то очень глупое.

— Если победят твои? — Он развёл руками. — Ну… Что хочешь. — Он подумал. И снова улыбнулся. — Хочешь — доступ к спецскладу? К закрытому оружейному. Там, говорят, есть кое-что, что осталось ещё со времён Ниневийского прорыва. Трофеи, экспериментальные образцы. Мирошников держит ключ у себя, но мне — даст. Если попрошу. — Он подмигнул. — Всё равно ведь не выиграешь.

Игнат посмотрел на арену. На пятерых из Первого взвода, которые стояли у края, вытирая пот и посмеиваясь. Мечник. Пиромант. Щитовик. Арбалетчица. Воздушник.

Потом — на пятерых своих.

Лёха, с разбитой губой и сжатыми кулаками. Федя, с открытым ртом. Дина, белая как мел. Тимур, неподвижный, как тень. Вера, с поднятым подбородком.

Спецсклад со времён Ниневийского прорыва.

Игнат знал, что там. Он сам сдавал туда трофеи. Двадцать лет назад.

— Принято, — сказал он.

Пять минут на подготовку. Больше Зорин не дал — сказал, что его взвод не может ждать.

Игнат отвёл своих в угол трибуны. Достал из сумки на поясе пять маленьких серых коробочек с проволочными антеннами. Рации. Старые, армейские, с одним каналом. Ветров держал их в своём шкафчике на полигоне — видимо, для полевых выходов. Игнат нашёл их вчера вечером.

— Надевайте, — сказал он. — Наушник — в левое ухо. Микрофон — к воротнику. Говорить не нужно. Нужно слушать.

— Лейтенант, — сказал Лёха. Голос был хриплым. — Ты понимаешь, что они нас размажут? Это Первый взвод. Оболенский — А-ранг. Шереметьев — пиромант, тоже А. Они…

— Шереметьев? — переспросил Игнат.

— Ну. Рыжий. Святослав Шереметьев. Внук маршала. — Лёха сплюнул. — Его все знают.

Игнат долго молчал.

Внук Аркадия.

— Горбунов, — сказал он наконец. Ровно, спокойно. — Вы считали, сколько раз пиромант поднимает правую руку раньше левой?

Лёха открыл рот. Закрыл.

— Одиннадцать, — сказал он. — За минуту. Каждый раз перед огнём.

— Хорошо. Мохов. Мечник — куда ставит ноги при развороте?

— На носок левой, — сказал Федя. Неуверенно. — И пятку правой отрывает. Каждый раз.

— Хорошо. Абаев. Щитовик.

— Поднимает щит, когда видит удар, — тихо сказал Тимур. — Не раньше. Если удара не видно — щит опущен.

— Ковач. Арбалетчица.

— Шесть секунд, — сказала Дина. Голос дрожал. — Между выстрелами. Шесть секунд на перезарядку. Всегда.

— Стрельцова. Воздушник.

Вера помолчала.

— Перед ударом он упирается задней ногой, — сказала она. — Сильно. Всем весом. Если в этот момент под ногой будет скользко…

Она замолчала. Посмотрела на Игната. И в её глазах впервые мелькнуло что-то, кроме презрения.

Понимание.

Игнат кивнул.

— Вы только что сделали то, что не сделал ни один инструктор этой Академии за год, — сказал он. — Вы посмотрели на противника. — Он помолчал. — Теперь слушайте. И делайте только то, что я скажу. Ни шагом больше. Ни шагом меньше. Даже если покажется, что это бессмысленно.

Он говорил две минуты. Тихо, быстро. Каждому — отдельно. Каждому — одну-две фразы.

Лица менялись. У Лёхи — с недоверия на изумление. У Феди — с испуга на сосредоточенность. У Дины — со страха на что-то похожее на решимость. Тимур кивал. Вера слушала, не мигая.

Когда он закончил, Лёха долго смотрел на него.

— Это… — сказал он. — Это же бред. Это не сработает.

— Сработает, — сказал Игнат. — Если каждый сделает ровно то, что я сказал. В ту секунду, когда я скажу.

— А если нет?

— Тогда поедем на рудники. Все вместе.

Лёха смотрел на него ещё секунду. Потом сплюнул. Надел наушник.

— Чёрт с тобой, лейтенант, — сказал он. — Двадцать восемь секунд. Я запомнил.

Они вышли на арену.

Пятеро в мятых серо-зелёных комбинезонах девятой группы. С деревянными учебными палками вместо мечей — им не выдали тренировочного оружия. Без щитов. Без арбалетов.

Напротив — пятеро из Первого взвода. В новенькой форме с золотыми нашивками. С затупленными клинками, щитом, арбалетом. С Дарами ранга А и В.

На трибунах — уже человек пятьдесят. Курсанты из других групп, сбежавшиеся на слух. Инструкторы. Кто-то делал ставки — Игнат видел, как переходят из рук в руки бумажки.

По пятьдесят к одному. Против Девятой.

Игнат стоял на краю арены. Один. С рацией у воротника. Зорин — на другом краю, сложив руки на груди, с улыбкой.

Судья — пожилой инструктор с седыми усами, вызванный с соседнего полигона, — вышел в центр. Поднял руку.

— Учебный бой, — объявил он. — Пять на пять. До поражения всех бойцов одной стороны. Поражение — касание оружием в корпус или голову, падение на обе лопатки, выход за пределы арены. Дары — разрешены, с ограничителями. — Он посмотрел на Игната, потом на Зорина. — Готовы?

— Готовы, — сказал Зорин.

— Готовы, — сказал Игнат.

Судья опустил руку.

Игнат нажал кнопку на рации.

— Начали, — сказал он тихо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Глава 4. Часовой механизм

— Все — к машине. Бегом. Не останавливаться.

Пятеро в серо-зелёных комбинезонах сорвались с места и побежали. Не в стороны, не к укрытиям — прямо в центр арены. К ржавому остову грузовика, стоявшему посреди песка. Туда, где их было лучше всего видно со всех сторон.

На трибунах засмеялись.

Оболенский на другом краю арены даже не двинулся. Только усмехнулся и кивнул рыжему.

Святослав Шереметьев поднял руки. Правая — на полсекунды раньше левой. Лёха, бежавший к грузовику, видел это. Считал. Двенадцатый раз.

Огонь ударил в грузовик.

Не в людей — в остов. Огромный, ревущий сгусток пламени. Шереметьев бил туда, куда смотрел, — а смотрел он на пятерых, которые сбились у грузовика. Шины старого грузовика — четыре, на спущенных ободах, — вспыхнули разом.

И повалил дым.

Чёрный, густой, едкий. Горящая резина. Дым поднялся над грузовиком столбом, потом опал, растекаясь по арене, закрывая центр, закрывая макеты, закрывая всё.

Игнат видел этот грузовик ещё с трибуны. Видел шины. Знал, что пиромант бьёт туда, куда смотрит. И знал, что за двадцать лет резина не перестала гореть с чёрным дымом.

На трибунах перестали смеяться.

— Горбунов, — сказал Игнат в рацию. Тихо. — Ваше.

Лёха стоял за горящим грузовиком, в дыму, с закрытыми глазами. Глаза в дыму были бесполезны. Он не смотрел.

Он видел.

Тепловой след. Дар, который в его личном деле назывался бесполезным. Лёха видел мир как тепловую карту — всё живое светилось оранжевым и красным, а там, где живое прошло три минуты назад, оставались тускнеющие следы. Как свет от фонаря на сетчатке после того, как фонарь погасили.

В дыму не было видно ничего. Ни людей, ни макетов. Но тепло — было.

— Мечник — слева, — прошептал Лёха в микрофон. — Идёт в дым. Восемь шагов. Пиромант — у края, не двигается. Щитовик — за мечником, отстаёт на два шага. Арбалетчица — на крыше макета, справа, лезет выше. Воздушник — у дальней стенки.

— Хорошо, — сказал Игнат. — Абаев. Арбалетчица.

Тимур Абаев исчез.

Он и раньше был почти невидим — маленький, тихий, привыкший, что его не замечают. Но теперь, в дыму, в коконе Тишины, он стал призраком. Он шёл к макету, на крыше которого стояла арбалетчица, — и никто не слышал ни шага.

Игнат знал: Тишина гасила всё в радиусе метра. Значит, тот, кто умеет слушать, слышит дыру в звуке. Но арбалетчица не слушала. Арбалетчица смотрела. Сквозь дым, сквозь прицел, пытаясь найти хоть кого-то.

А в дыму, где шипела горящая резина, трещал огонь и кашляли люди, дыру в звуке не услышал бы никто.

Тимур полез по задней стенке макета. Беззвучно. Перехватывая руками деревянные перекладины. Арбалетчица стояла на краю крыши, спиной к нему, целясь в дым.

Он коснулся её спины палкой.

Она вздрогнула. Обернулась. Увидела мальчишку пятнадцати лет из девятой группы — с деревянной палкой, прислонённой к её лопаткам.

— Касание, — громко сказал судья с края арены. Он видел. — Первый взвод — минус один.

На трибунах зашумели.

— Стрельцова, — сказал Игнат. — Воздушник. Он сейчас ударит в дым, чтобы разогнать. Задняя нога — правая.

Вера стояла у края дымового облака, у бетонного блока. Смотрела на воздушника — тонкого, нервного, у дальней стенки. Он поднимал руки. Упирался задней ногой в песок, всем весом, как она и видела с трибуны.

Вера посмотрела не на ногу. На его лицо. Как учил Игнат. Не смотри туда, куда бьёшь. Смотри на противника.

И включила Дар.

Десять квадратных сантиметров. Под правой подошвой воздушника. Песок под ней — стал скользким, как мокрый лёд.

Воздушник ударил. Всем телом, вложив вес в заднюю ногу.

Нога ушла назад.

Удар, который должен был ударить волной воздуха вперёд, в дым, — сорвался. Ушёл вверх и вбок. Воздушник взмахнул руками, потеряв равновесие, и его собственная волна, направленная куда попало, ударила в бетонный блок рядом с ним, отразилась и швырнула его самого назад.

Он пролетел три метра и вылетел за белую линию на краю арены.

— Выход за пределы, — сказал судья. — Минус два.

Вера стояла у бетонного блока. Смотрела на свою руку. На ладонь. Будто впервые видела.

— Мохов. Щитовик. Он сейчас выйдет из дыма слева от машины. Щит поднимет, когда увидит тебя. Не раньше.

Федя Мохов стоял за грузовиком. Огромный, неуклюжий, весь в саже. Сердце колотилось так, что он слышал его через наушник.

— Не прыгай на него, — сказал Игнат. — Стой. Пусть он увидит тебя. Пусть поднимет щит.

Из дыма вышел щитовик. Массивный, с голубым щитом в руке. Увидел Федю. Ухмыльнулся. Поднял щит — щит вспыхнул голубым — и пошёл на Федю, как таран.

— Сейчас, — сказал Игнат. — Шаг вперёд. И на щит. Сверху. Тяжесть.

Федя шагнул вперёд. Не прыгнул — просто шагнул, навстречу. Не приседая, не набирая воздух — как учил Игнат вчера: Дар включается в голове, а не в коленях.

И положил обе руки на верхний край щита.

Тяжесть.

Триста килограммов, приложенные к верхнему краю щита. Щит, который держал щитовик, весил килограммов восемь. Рука, державшая его, была рассчитана на удар спереди. Не на триста килограммов сверху.

Щит рухнул вниз. Нижний край — прямо на ногу щитовика. На носок ботинка.

Щитовик взвыл.

А Лёха Горбунов, выскочивший из дыма у него за спиной, коснулся его палкой между лопаток.

— Минус три, — сказал судья. Голос его был странным.

Оболенский был в дыму. Лёха видел его — оранжевое пятно, движущееся быстро, рывками. Мечник ранга А не стоял на месте. Он искал.

И нашёл. Дину.

Дина Ковач стояла в дыму, у макета, прижавшись спиной к деревянной стенке. Как велел Игнат. Неподвижно. Ждала.

Оболенский вышел из дыма в трёх шагах от неё. Увидел. Рыжая, конопатая, с испуганными глазами, с пустыми руками.

Он поднял меч. Клинок вспыхнул маревом, удлиняясь вдвое.

— Ковач, — сказал Игнат в наушник. — Не сжимай пальцы. Не вдыхай. Просто — сейчас.

Дина не сжала пальцы. Не вдохнула. Она стояла неподвижно, глядя на Оболенского, — так, как учил её Игнат прошлым вечером, в столовой, полчаса, пока она не перестала плакать. Вспышка — не в руках. Вспышка — в голове. Подумала — и всё.

Она подумала.

Пятьдесят тысяч люкс. Десятая доля секунды. В упор. Прямо в глаза мечнику ранга А, который смотрел на неё, не ожидая, — потому что она не сжала пальцы.

Оболенский закричал. Схватился свободной рукой за лицо. Меч в другой руке дрогнул.

— Стрельцова, — сказал Игнат. — Рукоять.

Вера была в пяти шагах. Она посмотрела не на рукоять. На лицо Оболенского.

Десять квадратных сантиметров. Ладонь, сжимающая рукоять меча.

Кожа ладони стала скользкой.

Меч выскользнул из пальцев Оболенского. Просто — выпал. Как выпадает мокрое мыло. Звякнул о песок.

Лёха ударил палкой. Не по голове, не по корпусу. По колену. Сбоку. В сустав. Как учил Игнат: «Не бей туда, где мышцы. Бей туда, где кости соединяются».

Оболенский рухнул на колени. Ослеплённый, безоружный.

Федя коснулся его плеча палкой. Осторожно, почти вежливо.

— Минус четыре, — сказал судья.

Святослав Шереметьев стоял у края арены. Один.

Внук маршала. Пиромант ранга А. Рыжий, коренастый, с огнём в ладонях. Он видел, как падали его товарищи — один за другим, в дыму, который он сам создал.

И он запаниковал.

Огонь ударил в дым. Наугад. Потом ещё раз. И ещё. Огненные шары летели в разные стороны, разрывались о макеты, о бетонные блоки, о песок. Арена горела.

Игнат смотрел на него с края арены. Двенадцатый раз. Тринадцатый. Правая рука — на полсекунды раньше левой. Каждый раз. Даже в панике. Особенно в панике.

— Горбунов. Где он?

— У края. Справа от тебя, лейтенант. В двадцати шагах. Стоит на месте.

— Абаев. Справа. В обход. Медленно.

Тимур исчез.

— Ковач. Сколько до перезарядки?

— Четыре секунды, — прошептала Дина.

— Хорошо. Стрельцова — передвиньтесь к блоку справа. Мохов — оставайтесь на месте.

Три секунды. Две.

Шереметьев бил. Огонь, огонь, огонь. Правая рука вверх. Левая. Правая.

— Ковач. Сейчас.

Вспышка. Белая, ослепительная, прямо из дыма в лицо пироманта.

Шереметьев закричал. Огонь в его ладонях погас — он схватился за глаза.

— Стрельцова. Левая нога.

Под левой ногой пироманта песок стал скользким.

Шереметьев, ослеплённый, шагнул назад. Нога поехала. Он взмахнул руками — и рухнул на спину.

На обе лопатки.

Тимур Абаев, стоявший у него за спиной, — беззвучно, в коконе Тишины, — просто наклонился и положил палку ему на грудь.

— Минус пять, — сказал судья. Голос сорвался. — Победа… Победа девятой группы.

На трибунах было тихо.

Пятьдесят человек. Курсанты. Инструкторы. Никто не хлопал. Никто не кричал. Все смотрели на арену, где медленно рассеивался дым, догорал грузовик, а пятеро в серо-зелёных комбинезонах стояли посреди песка — грязные, в саже, тяжело дыша — и смотрели друг на друга.

Так, будто видели друг друга впервые.

Всё заняло четыре минуты двенадцать секунд. Игнат считал.

Пятеро из Первого взвода лежали и сидели на песке. Оболенский — на коленях, держась за колено, моргая слезящимися глазами. Шереметьев — на спине, всё ещё ослеплённый. Щитовик — сидя, держась за ногу. Арбалетчица — на крыше макета, неподвижно, будто не могла поверить. Воздушник — за белой линией, отряхиваясь.

Ни одной травмы. Ни одного серьёзного удара. Только касания, падения и выходы за линию.

Капитан Зорин стоял на краю арены. Лицо его было красным. Потом — белым. Потом — снова красным.

Игнат подошёл к нему. Остановился в двух шагах.

— Спецсклад, капитан, — сказал он. Спокойно. — Вы обещали. При пятидесяти свидетелях.

Зорин смотрел на него. Долго. С ненавистью.

— Ты, — прошипел он. — Ты, контуженый… Как?

— Они посмотрели на ваших, — сказал Игнат. — А ваши на них — нет.

Ключ от спецсклада Зорин принёс через час. Сам. Бледный, с поджатыми губами. Мирошников, как выяснилось, отказался давать ключ — но пятьдесят свидетелей, включая трёх инструкторов, уже разнесли историю по всей Академии, и полковнику пришлось уступить. Под условием: девятая группа берёт со склада только то, что сможет унести за один раз. И только одно на человека. Плюс одно — инструктору.

Спецсклад находился в подвале старого корпуса. Тяжёлая стальная дверь. Пыль. Паутина. Длинные стеллажи, заставленные ящиками, свёртками, оружием.

Игнат шёл вдоль стеллажей медленно. Смотрел.

Он знал этот склад. Двадцать лет назад он сам сдавал сюда трофеи. После каждой операции за Стеной. Экспериментальные образцы, которые давали его отряду на испытания. Оружие, снятое с мёртвых охотников, у которых не осталось родных.

И своё.

На нижней полке у дальней стены, в длинном деревянном ящике с облупившимся номером, лежало то, что он узнал сразу. Тросомёт. Компактный, с барабаном на сто метров стального троса, с ручкой, обмотанной истёртой кожей, с гравировкой на латунной пластине.

«Лиса».

Его тросомёт. Сделанный по его чертежам. Двадцать два года назад.

Он долго стоял над ящиком. Потом взял тросомёт в руки. Тяжёлый, знакомый, привычный. Ладонь сама легла на истёртую кожу рукояти.

За его спиной Лёха Горбунов присвистнул.

— Ничего себе, — сказал он. — Это ж старьё. Ему лет двадцать. Чего ты его взял, лейтенант? Тут вон мечи есть. С рунами.

Игнат не ответил. Он смотрел на ящик. На дно ящика, под тросомётом.

Там лежала тетрадь. Тонкая, в клеёнчатом переплёте, с пятнами давно засохшей грязи. С надписью на обложке — его почерком. Почерком Игната Северова.

«Полевой журнал командора. Ниневия».

Он поднял тетрадь. Сунул во внутренний карман. Быстро, не глядя.

Никто не заметил.

— Выбирайте, — сказал он своим. — Каждый — по одному. Не то, что красивее. То, что подходит вашему Дару. Я помогу.

Глава 5. Пять ключей

Наутро в Академии говорили только о девятой группе.

В столовой, в коридорах, в курилке за казармами. Кафедра списанных положила Первый взвод. Всех пятерых. За четыре минуты. Палками. Оболенский — с выбитым коленом. Шереметьев — ослеп на полчаса. Зорин — орал на своих в раздевалке так, что слышно было на плацу.

Мирошников, как говорили, вызвал Зорина к себе и полчаса молчал. Потом сказал одно слово: «Случайность». И отпустил.

Игнат не ходил в столовую. Он сидел в кабинете инструкторов с пятью серыми папками и с тетрадью в клеёнчатом переплёте, которую нашёл на складе. Тетрадь он не открывал. Пока.

Сначала — они.

Одна победа ничего не значила. Он знал это лучше всех. Вчера сработала неожиданность. Первый взвод не ждал ничего от калек — и получил. В следующий раз они будут ждать. Зорин разберёт бой по секундам. Найдёт, где ошиблись его люди. И больше не ошибётся.

Нужно было, чтобы пятеро курсантов девятой группы перестали быть калеками. Не на четыре минуты. Навсегда.

А для этого нужно было понять, почему они — калеки.

Лёху Горбунова он вызвал первым.

Мальчишка вошёл в кабинет, сел на стул напротив и уставился на Игната исподлобья. Тем же взглядом, что и в первый день. Злым, настороженным, готовым ударить.

— Чего? — спросил он.

— Сколько драк за полгода, Горбунов? — спросил Игнат.

Лёха пожал плечами.

— Три. В деле написано.

— Из-за чего?

— Из-за того, что лезли.

— Кто?

— Все. — Лёха скривился. — Восьмая группа. Седьмая. Им же надо кого-то бить. Детдомовского — удобнее всего.

Игнат кивнул.

— А в детдоме сколько было?

Лёха помолчал.

— Не считал.

— Вы всегда дрались один?

Лёха поднял на него глаза. Долго смотрел.

— А с кем ещё? — сказал он наконец. Голос был тихим. — Там каждый сам за себя, лейтенант. Кто ждёт, что прикроют, — того бьют первым.

Игнат долго молчал.

В прошлой жизни у него в отряде был парень. Сирота, как Лёха. Из приюта при Стене. Лучший разведчик, которого Игнат знал. Он погиб, потому что не стал ждать подкрепления — пошёл один. Потому что никогда в жизни не верил, что кто-то придёт.

— Горбунов, — сказал Игнат. — Вчера, в дыму, вы видели всех. Мечника, щитовика, арбалетчицу. Где они, куда идут. Вы были глазами всей группы. Без вас — они бы ослепли.

Лёха молчал.

— Вы не боец, — продолжал Игнат. — Не в том смысле, что не можете драться. Можете. Хорошо. Но ваш Дар — не для драки. Ваш Дар — для того, чтобы видеть, где враг. Куда

он идёт. Откуда придёт. — Он помолчал. — Разведчик никогда не дерётся один. Разведчик видит — и говорит остальным. А остальные бьют. Это — единственная работа, где тот, кто не дерётся, важнее всех.

Лёха смотрел на него. Долго.

— А если они не придут? — спросил он тихо. — Остальные. Если я скажу — а они не придут?

— Вчера пришли, — сказал Игнат. — Все. Каждый раз, когда вы говорили.

Лёха опустил глаза.

— И ещё одно, — сказал Игнат. — Вы видите тепловой след трёхминутной давности. Это значит — вы видите не только, где враг сейчас. Вы видите, где он был. А значит, — откуда пришёл и куда смотрел. По следу можно понять, куда он пойдёт дальше. — Он помолчал. — Этому я вас научу. За неделю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.